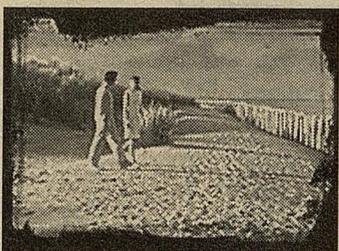

Век. Москва. - 2000. - 27 апр. - с. 12

Хоть не порно, а задорно

арт-кино

На первый взгляд, в телепрограмме произошла досадная «очепятка»: фильм Катрин Брейя «Романс» покажут по госканалу.

● Тот самый фильм, который с неизменно скандальным триумфом прошеествовал по ведущим фестивалям мира, вышел в американский прокат (что для еврокартины — безусловный успех), вечно получал в прокате ругательную маркировку «R» (а это на границе с «X», квалифицирующем порно)... Фильм, вызвавший по всему миру массу дискуссий типа «Романс»: новое порно или новый феминизм?.. Вот этот самый фильм и покажет РТР.

И действительно, фильм Катрин Брейя, вполне известного французского режиссера и еще более известной сценаристки (в ее послужном списке кинодраматурга даже «И корабль плывет...» Феллини), в большинстве своих сцен тяготеет к «жесткому порно» и снят о-очень откровенно. Его героиня, получив от возлюбленного отказ в интимности, решила экспериментировать в разных формах плотской любви — вплоть до садомазохизма. Ее партнерами становятся пожилой директор школы, где она состоит учительницей, случайный знакомый и даже подъездный насильник. Вся эта коллизия с героиней, «потребляющей» мужчин в поисках ощущений, и холодноватой, объективистской манерой изложения событий, и ввела «Романс» в категорию фильмов, которые вполне символично выстроились вокруг лауреата Канна-99 — картины Брюно Дюмона «Человечность». Это фильмы «последней прямоты», они о «человеческом», слишком человеческом». Их создатели не стесняются грубо-натуралистических сцен, почти дебилов в качестве главных (и очень положительных) героев, не стесняются снимать в драматических ролях порнозвезд — так, в «Романсе» снялся Рокко Сиффреди, о котором известно немного, тактико-техническое, но выразительное: 36 лет, 1000 фильмов, 28 см, 4000 партнеров... Эти фильмы намеренно случают «искусство с большой буквы» с порнографией, загнанной в постыдное гетто.

Сама Брейя манифестационно провозгласила, что сделала фильм не о любви, а именно о желании, причем о женском желании — в пику всей махине порно, которая обслуживает главным образом мужские вождения. А на вопрос, мог ли ее фильм быть сделан мужчиной, непреклонно и политкорректно ответила: «Я отказываюсь делать разницу между мужчиной и женщиной. Просто разные люди не могут сделать одну и ту же вещь».

И все-таки, по традициям самого французского кино, «мужчина и женщина» решили высказаться на наших страницах об одном и том же «Романсе».

Старые корни в новой почве

Марина ДРОЗДОВА

● В сущности, «Романс» представляет собой прямолинейное и бесхитрое повествование о девичке, которая от заката до рассвета трудится над своими оргазмами, являя собой, таким образом, гибрид усидчивого аспиранта и шахтера. Для режиссера фильма, французки Катрин Брейя, эта суровая песнь о сексуальной повинности, предначертанной героине природой, является плацдармом социально-философского анализа. За навязчивыми попытками девушки расширить ее телесную практику, снятыми в манере равнодушной фиксации, конечно, маячат тусклые тени неофеминизма.

Заметим, что в наши пределы и сам-то феминизм если и просочился, то не-сколькими каплями. Феминизм как стремление изменить отношение к цивилизации как к культурному пространству, базирующемуся на мужском взгляде на мир, расцвел в годы «сексуальной революции» 60-х. Советское же пространство «нагая свобода» не посещала, и общество в целом, как единый организм, никак не обдумывало темы освобождения от старой морали и организмики свободы организма. Неофеминизм, сформулированный в период расцвета борьбы за экологию личности (говоря нашим языком, за то, чтобы каждый отдельный человек был защищен от окружающего общества в той же мере, в какой он защищает себя от непогоды зонтиком), продолжает пропаганду идеи тотального физиологического равенства обоих полов, подражая, что общество «новых технологий» переводит эту идею из сферы революционно-романтической в повседневную-гигиеническую. Именно дух рутины повседневной гигиены наполняет собой «Романс»: зритель отметит и

Режиссер К. Брейя. Милая женщина. Совсем не похожа на революционерку

невзрачно холодный тон одеколона на каждый день; и использование героиней дезодорирующих средств; и регулярное потребление всеми героями зубной пасты, становящейся простейшим материальным символом круговорота дней и ночей. И то, что героиня очень боевито занята совершенно безопасным сексом.

Да и секс, мятая героиню, имеет для нее смысл некой необходимой гигиенической принадлежности или те-

лесной манипуляции, связанных с оными. Так она отстаивает свое право быть свободной от навязываемой ей традицией зависимости от пола и секса.

Кроме того, если иметь в виду контекст европейского и особенно французского кино последних двух лет, то нельзя не обратить внимание на то, что сюжет «Романса» располагается в поле размышлений (или беспокойства) по поводу морального падения и измещения среднего класса. То есть распространения психологии «упрощения жизни» — движения, так сказать, к старым корням на новой почве. Французское кино уже несколько лет демонстрирует персонажей, которые не только не видят, а даже не имеют представления о том, что такое видеть дальше собственного грязного или чистого белья, или, как в «Романсе», оргазма. Западные философы с присущим им изяществом слова демонстрируют, с какой легкостью массовая аудитория века технологичного находит свой комфорт в довольно средневековом бытии — когда тело и дух живут отдельно. Тело решает биологические вопросы — питания, испражнения, защиты от внешней среды, удовлетворения. Дух, если не дремлет, вполне перебивается, так сказать, мессами масс-медиа.

Провокация перед революцией

Александр НИСЕЛЕВ

● Если попытаться определить жанр фильма «Романс», то получится, что это манифест, и манифест довольно специфический — в стиле попа Гапона, известного провокатора. Представляется, что картина изначально планировалась авторами как специальный провокационный скандалчик. Уложить эсккурс в закомплексованное подсознание сексуально мятущейся буржуазки в формы «жесткого» порно — сам по себе жест довольно сильный. Возможно, способный даже шокировать. На это, собственно, и рассчитывается. Мало того, намеренно «обывловление» сексуальных актов, в обилии представленных в фильме, и их очевидная деэстетизация тоже призваны шокировать, так сказать, вываливая перед ошарашенным зрителем грязное белье, скопившееся за время, прошедшее со времен сексуальной революции. Сам по себе процесс, без сомнения, может и завораживать. Как-то даже хочется рукоплескать смелости авторов, вскрывающих всю фальшь буржуазной морали.

Но — руки не поднимаются. Я имею в виду для аплодисментов. Поскольку, если не ставить вопроса о нарушении установленных табу (типа показа полового акта на крупном плане), то окажется, что фильм зияет досадными пустотами и общими местами. То есть все это чисто девичье истерикование вокруг собственной дырочки представляется как раз тотально буржуазным. Поскольку героиня, пускаясь во все тяжкие, для того чтобы исследовать собственные глубины (при всей двусмысленности фразы, именно их-то она и изучает), исходит как раз из непреложности буржуазных ценностей, против которых пытается довольно вяло бунтовать. В конце концов та же Эммануэль лет тридцать назад оказывалась гораздо последовательнее в самопознании — просто в силу того, что обладала естественной чувственностью и хоть какими-то целями. Да и то сказать, мастурбация в качестве оружия против буржуазности выглядит не только бледно, но и несколько фари-сейски. Воля ваша, такими методами революцию не совершишь.

● «Романс», реж. К. Брейя, Франция, 1999, в ролях: К. Дюсе, Р. Сиффреди, С. Ствен, РТР, понедельник, 1.00